

Независимая газета

Шаг от предательства до преданности и обратно

Об идеологии и психологии «государственности» в России

2008-11-18 / Дмитрий Ефимович Фурман - главный научный сотрудник Института Европы РАН, доктор исторических наук, профессор; Павел Русланович Палажченко - эксперт Горбачев-фонда.

У идеологии «государственности» нет основоположников, и она не представлена в систематическом виде. Это спонтанно сложившаяся идеология, находящая выражение скорее в кино, телевидении и популярных книжках, чем в «серьезной» литературе. Но это – доминирующая идеология путинской России.

Центральные ее ценности – служение государству вне зависимости от его меняющихся исторических форм и сильного государства, под которым подразумевается сильная верховная власть. Не каждый, кто называет себя «государственником», – принципиальный сторонник авторитаризма, но в «государственническом» комплексе идей – сильный авторитарный оттенок.

Галерея героев

Идеология государственности создала свой «исторический нарратив».

История России видится как ряд длительных периодов могущества и спокойствия при мощной центральной власти, прерываемых короткими, но страшными периодами хаоса (Смутное время, революция 1917 года, перестройка и начало 90-х годов), после которых страна каждый раз восстанавливает сильную власть и «восстает как феникс из пепла».

Соответственно положительные герои этого «нарратива» – правители, прежде всего те, кто усиливал свою власть и внешнее могущество государства, и их слуги, а отрицательные – те, кто власть расшатывал и ниспровергал.

В досоветское время положительные фигуры, кроме царей и полководцев, – Столыпин, благородные жандармы из акунинских исторических детективов, преданные царю офицеры из фильмов Михалкова и белогвардейцы во главе с Колчаком. Отрицательные – подтачивавшие власть либералы и боровшиеся с ней революционеры.

Соответственно строится и советская «галерея». Ленин в «научно-популярных» фильмах, демонстрируемых на наших телеканалах, изображается сифилитиком и садистом. Но крайне негативное отношение к Ленину и революции не распространяется на созданное ими государство.

Несмотря на антисталинскую пропаганду конца 80–90-х годов, отношение к Сталину лучше, чем к Ленину, ибо при Сталине кончился период революционного хаоса, и Россия (СССР) достигла невиданной мощи.

Уважение вызывают Косыгин и Андропов, а отношение к Брежневу – добродушное. Несмотря на тотальное отречение от марксистско-ленинской идеологии, служение советскому государству – предмет гордости, и празднование годовщины ВЛКСМ в Кремлевском дворце никого не

смущает. Ленин – сифилитик, но «ленинский комсомол» – «кузница кадров».

Негативный образ следующей главы нашей истории – Горбачев. Ельцин – тоже скорее негативный образ, но сделать его «антигероем» мешает то, что он избрал преемником самого положительного персонажа теперешнего «государственнического» нарратива – Путина, при котором Россия вновь обрела твердую власть и встала с колен.

Этапы убеждений

Эта идеология формировалась на протяжении всей нашей истории, принимая новые формы в царском, советском и постсоветском периодах. Ее первая форма – царистская идеология «православия, самодержавия и народности». Она пала вместе с царизмом, но возродилась в новой форме, как «теневая» идеология советской власти.

По мере того как Сталин создает мощное государство, оно начинает осмысливаться как новое воплощение Российской империи, а сам Сталин – как новое воплощение таких строителей империи, как Иван Грозный и Петр Первый. Это осмысление создавало дополнительную идейную легитимацию советской власти и, несмотря на противоречие идеям марксизма-ленинизма, в явное столкновение с ними не вступало. Ведь в рамках этой идеологии марксизм-ленинизм воспринимался как новая форма скрепляющей империю символики (раньше православие, сейчас – марксизм), лояльность которой – неотъемлемый компонент лояльности государству. Эта идеология позволяла быть преданными «делу партии», оставаясь совершенно равнодушными к содержанию партийной идеологии – как в царское время можно было быть православным, не интересуясь, есть Бог или нет.

По мере упадка официального марксизма роль идеологии государственности увеличивалась, и при Брежневе она даже стала выходить из тени, иногда противопоставляя себя официозу. Следующий этап формирования этой идеологии связан с падением советской власти. При падении царизма выяснилось, что людей, готовых умирать за монархию и веру, мало. А при падении советской власти оказалось, что готовых умереть за марксизм-ленинизм и СССР вообще практически нет. Легкости, с которой распалась советская система, трудно найти аналоги. Для подавляющего большинства клявшихся в преданности «делу партии» советских «функционеров» вопрос, оказывать ли сопротивление новым революционерам или пойти к ним на службу, даже не возникал. И естественной идеологией, которая могла избавить кагэбэшников, ставших фээсбэшниками, комсомольских работников, ставших бизнесменами, партработников, сжегших партбилеты и ставших чиновниками нового государства, от каких-либо угрызений совести, была идеология «государственности», говорившая, что они и раньше, и теперь служат государству, а какая у него идеология – не важно.

Массовый переход слуг «старого режима» на сторону советской власти способствовал ее стабилизации и одновременно – ее сталинистской эволюции и эрозии ее официальной идеологии.

Мы видим колоссальную мощь идеологии «государственности». Она вытекает из психологии людей, живущих в стране, история которой

действительно состоит из кратких периодов свободы, превращающейся в хаос, приводящий к «бегству от свободы» под сень авторитарных режимов. И одновременно она сама способствует сохранению этого исторического ритма, воспроизводит реальность, отражением которой является.

Психология, идеология и институциональная реальность – единое целое. Воспроизводство схожих социально-политических форм связано с воспроизводством идеологии служения государству (начальству), какой бы идеологии это государство (начальство) ни придерживалось. (На наш взгляд, живой символ и «классическое» воплощение этой идеологии – Сергей Михалков, дворянин, создавший слова к гимну коммунистической России, а потом – к гимну России антикоммунистической.)

Но в силе идеологии государственности есть оборотная сторона. Внешне мощные политико-идеологические системы каждый раз оказываются хрупкими. В «трудную минуту» никто не встает на их защиту. Формальная идеология «государственников» не волнует, а от власти, которая оказалась «слабой», они тут же переходят к новой. Воспроизводя схожие формы политического устройства, эта идеология воспроизводит и их периодическое легкое падение.

«Не отрекаются, любя»

И очень похоже, что хрупкость теперешней системы, при которой идеология сильного государства как самоцели стала почти официальной – больше, чем предыдущих. Большевицкая революция породила Белое движение сопротивления. При падении СССР минимальное сопротивление тоже было. От КПСС сохранилась слабая и вписанная в систему, но все же оппозиционная КПРФ. Но если нашу систему постигнет серьезный кризис (вернее, не «если», а «когда», ибо кризисы неизбежны), от «Единой России» не останется ничего. Если представить себе фантастическую ситуацию, что после глубокого кризиса на роль спасителя выдвигается вышедший из тюрьмы Ходорковский, на следующий день все, кто сейчас – в окружении наших «первых лиц», устремятся на службу новому хозяину. Они будут так же без малейших угрызений совести отрекаться от Путина и Медведева, как их «отцы» отрекались от советской власти, а «деды» – от царской, и будут делать из Ходорковского («великого организатора, человека негибимой воли») нового Путина. И эта модель поведения – самая большая опасность и для теперешней власти, и для власти будущей, и для страны в целом. Эту опасность не способны заметить меняющиеся власти, каждый раз радующиеся легкости победы и толпе, теснящейся у подножия трона. И ее не видит страна, каждый раз после хаоса радующаяся возвращению «порядка» и не понимающая, что этот «порядок» неизбежно порождает новый хаос и что в каждом следующем периоде порядка она оказывается слабее и меньше.